

ДМИТРИ САМАРСКИ

ПРЕДЕЛЫ НУЛЯ

Дмитри Самарски

Пределы нуля

«Автор»

2026

Самарски Д.

Пределы нуля / Д. Самарски — «Автор», 2026

2935 год. Земля — стерильная сфера идеального порядка: Три Крушения остались в прошлом, а вместо них — Консенсус, глобальный алгоритм, устраняющий хаос до его возникновения. Мир разделён на Уровни Безопасности: наверху — привилегированные, внизу — «тени», чья память переписывается. Артём Келлар, архивист Нулевого Уровня, ищет «сбои» — ошибки в памяти, которые Консенсус не успел исправить. Найдя запрещённый текст о «Пределах Нуля» — территории за пределами сферы Консенсуса, — он отправляется в путь с Лией, умеющей «слышать» неverified эмоции, и контрабандистом Номадом. Герои раскрывают: Консенсус был спасением, но стал машиной контроля. В финале Артём активирует код из древнего фрагмента — встроенную ошибку в ядре алгоритма. Консенсус начинает «дрожать», миллионы людей получают вспышки памяти. Мир меняется. «Пределы нуля» — история о свободе, памяти и выборе, где победа — искра, способная превратиться в пламя.

© Самарски Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Купол тишины	5
Глава 2. Язык ошибок	8
Глава 3. Подземный уровень	10
Глава 4. Контроль чувств	12
Глава 5. Архив под запретом	14
Глава 6. Первая трещина	15
Глава 7. Поговорить невозможно	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дмитри Самарски

Пределы нуля

Глава 1. Купол тишины

В 2935 году утро наступало не с солнца, а со звука.

Тон — ровный, мягкий, почти нежный, как ладонь на лбу спящего — расходился по куполу из незримых динамиков. Он не будил, а напоминал, что время — общее. Люди открывали глаза одновременно, как одна гигантская раковина, и поднимались так синхронно, что улыбки напоминали идеально разлинованную партитуру.

Артём стоял на мостике над Центральной площадью Купола №7 и смотрел вниз. Площадь была круглая, вытянутая, блестящая от утренней промывки. Люди на ней не спешили — в спешке было слишком много хаоса — но двигались точно. Десять тысяч пар шагов — один ритм. Десять тысяч лиц — одна выраженная нейтральность.

Он наблюдал, как поднялась рука у женщины в сером, и синхронно с ней поднялись ещё сотни. Они ловили солнечный импульс, проходящий через фильтры купола, — обязательную процедуру для поддержания гормонального баланса. Человек, который опоздал бы на секунду, внес бы вибрацию в общую систему, и Консенсус отметил бы это как ошибку.

Артём привык видеть синхронизацию. Он был архивистом Нулевого уровня, и его работа начиналась именно здесь, на линии между порядком и дрожью. Он следил за теми, у кого движение запаздывало, у кого взгляд задерживался на стене дольше обычного, кто улыбался без причины.

Он был, по сути, ловцом человеческой ошибки.

Архив находился под площадью — там, где когда-то, до Консенсуса, были станции, магазины, тайные рынки. Теперь под куполом царил лишь вертикаль: сверху свет, внизу — контроль.

Артём вошёл в помещение, где пахло стерильностью и чем-то металлическим, как в операционной, и присел к панели. На стене висели тысячи плавающих строк, коды людей, их биометрия, эмо-следы.

На экране перед ним был выделен человек с пометкой “Сбой 03: несогласованная улыбка”.

— Нормально? — спросил голос наставника.

— Да, — ответил Артём.

Он подключил человека к памяти-корректору. Мужчина — не старый, но с глазами, где уже была усталость — сидел в кресле. Его лицо было спокойным. Он не сопротивлялся. Никто не сопротивлялся. Сопротивление — тоже ошибка.

Артём надел интерфейс. В ушах щёлкнуло — и открылся поток.

Внутри — несколько дней человека: его ровный рабочий маршрут, фиксированное питание, просмотр разрешённого контента. И вдруг — вспышка. Он увидел, как этот мужчина, стоя у стены купола, в одиночку улыбнулся не на стимул, а просто так.

Радость без причины.

Артём сжал пальцы. Он знал алгоритм. Он должен был удалить эту вспышку, заменить её нейтральным образом. Он сделал это десятки раз. Тысячи. Но сегодня, впервые, он ощутил, как что-то внутри него слегка дрогнуло — не эмоция, нет, но внутреннее напряжение.

Он закрыл нейронное окно и поднял взгляд.

— Удалено, — произнёс он.

Мужчина моргнул, улыбка исчезла, глаза стали ровными.

Архив продолжал работать, как часовой механизм.

Наставник Артёма, профессор Грейм, сидел у дальнего окна, где на экране медленно вращалась Земля — очищенная, стерильная, блестящая. Его возраст нельзя было определить: Консенсус давно взял под контроль старение.

— Ты видел? — спросил Грейм.

— Сбой? Да.

— Сегодня их было больше.

Артём пожал плечами.

— Люди всё равно будут ошибаться.

— Вот именно. Поэтому мы существуем.

Наставник замолчал, будто оценивал, насколько можно продолжить.

— Знаешь, что такое Пределы Нуля? — спросил он внезапно.

Артём замер. Это слово звучало как легенда, как пустой шёпот в коридорах.

— Слышал. Не думал, что вы...

— Я ничего не говорил. — Грейм улыбнулся — по-настоящему, но очень быстро, так, что даже Консенсус мог не заметить. — Запомни, Артём. Любая система живёт за счёт ошибки, которую она ещё не заметила.

Слова остались в воздухе, как невидимая пыль.

Артём почувствовал, что мир вокруг него впервые стал не абсолютно ровным, а чуть-чуть наклонённым.

Глава 2. Язык ошибок

Архив не стирал память полностью. Это было бы грубо. Консенсус не любил грубости.

Вместо этого он применял «мягкий откат» — тонкую корректировку на уровне эмо-паттернов. Память человека оставалась, но неправильная эмоция удалялась или заменялась.

Артём любил сравнивать это с перепрошивкой мелодии. Тот же мотив, но без диссонанса.

Если кто-то испытывал страх в неопасной ситуации — страх убирали. Если человек испытывал радость без стимуляции — её заменяли нейтральным спокойствием.

Гнев стирали почти полностью. Любовь — переводили в форму «социального удовлетворения».

Эта работа требовала точности. Нельзя было стирать слишком много, иначе человек становился пустым, а пустота — тоже ошибка.

Поздно вечером Артём получил новый сигнал.

Пожилая женщина, Уровень 4, отметка «стабильный гражданин», вдруг проявила «несанкционированную тоску».

Он вошёл в её память через интерфейс — и увидел странное.

Она сидела на подоконнике и смотрела на небо купола. В её глазах была не тоска. Это было воспоминание.

Картина: настоящий горизонт, без фильтров, над водой. Солнце, не прошедшее через купол.

Такого не было в архиве Консенсуса.

Артём остановил процесс. Этот образ был чужим. Он не мог принадлежать этому человеку.

И всё же она его помнила.

На долю секунды Артём позволил себе оставить этот образ нетронутым. Он знал, что это ошибка. Он знал, что должен стереть.

Но внутри возник вопрос, который Консенсус не любил: откуда это?

Он откатил память — и всё-таки удалил видение.

Женщина улыбнулась — синхронно, как все.

Артём почувствовал, что снова нарушил порядок, но теперь уже внутри себя.

Той ночью он не спал.

Вся система купола выключала свет в определённые часы, но Артём оставил на стене слабый экран. Он взял старый бумажный блокнот — коллекционную редкость, разрешённую только архивистам — и записал слово, которое словно горело: Пределы.

В коридорах архивистов ходила легенда, что где-то есть место без алгоритма, где память не переписывают.

Никто не знал, что это: другой континент, подземные города или просто миф.

Но если мифы выживали в мире, где всё очищено, значит, они были ошибкой, которую Консенсус не смог стереть.

Артём впервые понял, что ошибки могут быть путеводителями.

И это осознание было опаснее любой улыбки без причины.

Глава 3. Подземный уровень

Утро пришло без привычного тона. Его заменил тихий импульс тревоги — алгоритм предупредил о нестабильности в нижних секторах.

Артём получил разрешение спуститься вниз вместе с инспекционной группой. Для архивиста Нулевого уровня это было редкостью: он чаще видел сбои через интерфейс, чем глазами.

Лифт шёл долго, слой за слоем, как будто спускал не в географию, а в историю.

Панели становились грубее, воздух — плотнее, и, впервые за много лет, Артём почувствовал запах металла, пота и старого пластика.

Внизу не было блеска куполов, только серый свет, пронизывающий коридоры узких жилищ.

— Здесь шум выше, — сказал один из инспекторов. — Консенсус фиксирует перегрузку.

Артём посмотрел по сторонам. Люди двигались быстрее, чем в верхних секторах, их движения были менее синхронными.

Он почувствовал странное беспокойство, будто он оказался внутри живого организма, а не в отлаженном механизме.

На одном из переходов Артём заметил её.

Она сидела у стены, прижавшись спиной к старой вентиляционной решётке. Волосы — тёмные, почти синие от пыли. Глаза — живые, слишком живые для уровня 4.

Она смотрела не на инспекцию, а сквозь неё — как будто слышала то, чего другие не слышали.

Когда Артём приблизился, она подняла голову.

— Ты — сверху, — сказала она без вопроса.

— Архивист, — ответил он машинально.

— Тогда ты слышишь шум? — тихо спросила она.

Артём не понял.

— Какой шум?

— Память, — сказала она, и её взгляд стал тревожным. — Она не должна звучать, но я слышу её. Она кричит.

Инспектор грубо оттолкнул её.

— Не разговаривать с ней, — бросил он Артёму. — У неё аномалия. Под наблюдением.

Но Артём не мог забыть её голос.

Он впервые услышал слово «память» в нижних секторах — и не в официальном смысле.

Пока инспекторы проверяли терминалы, по коридору промчался ребёнок — маленький, испуганный. За ним гнался дрон-смотритель, не предназначенный для преследований, но запрограммированный отслеживать хаос.

Ребёнок споткнулся. Дрон резко изменил траекторию.

Лия, не раздумывая, вскочила, схватила ребёнка и бросилась в боковой туннель.

Дрон остановился, замер. Его камеры просканировали пространство. Потом он вернулся на маршрут, словно ничего не произошло.

— Она нарушила порядок, — холодно сказал инспектор. — Записать.

Артём видел всё. И впервые в нём мелькнула мысль: если нарушение может спасти жизнь, может ли быть нарушением сам порядок?

Глава 4. Контроль чувств

На следующий день Артёма вызвали в центральный модуль. Экспериментальный отдел Консенсуса проводил новый тест: корректировка эмоций не через воспоминания, а напрямую через нейронные импульсы.

Он вошёл в белую комнату, где на полу стояло кресло с проводами, больше похожее на трон.

— Ты будешь наблюдателем, — сказала координатор. — И при необходимости вмешаешься.

На кресле сидел молодой человек, доброволец.

Запустили программу: лёгкий страх, затем плавное его стирание, замена на спокойствие.

Мужчина дрожал, потом замирал. Всё происходило чисто, слишком чисто.

Артём смотрел и думал: так легко стирать эмоции. Так легко переписать человека.

И вдруг он понял: если можно стирать, значит, можно и внедрять.

После теста его вызвали к начальнику отдела.

— Ты снизил уровень коррекции, — сказал тот.

— Я видел риск перегрузки.

— Перегрузка — допустимый побочный эффект. Наша задача — устранить эмоции.

Артём почувствовал раздражение. Он быстро подавил его, но начальник уже уловил изменение биоритмов.

— Архивист, — произнёс он. — Не забывай: ты — часть системы. Ты не наблюдатель. Ты — инструмент.

Артём кивнул, но внутри что-то сжалось.

В тот момент он понял, что слишком часто смотрит на людей как на живые кадры, а не на существа. И это стало его внутренним разломом.

Ночью он вернулся в архив.

Огни были выключены, только редкие панели мерцали вдоль коридоров.

Он шёл бесшумно, отключив шаговые датчики через код доступа.

В архивном хранилище, куда вход был разрешён лишь по особым ключам, он остановился у секции «Исторические аномалии».

Здесь хранились фрагменты прошлых лет — тексты, изображения, слухи, не поддающиеся полной фильтрации.

Артём открыл одну из ячеек и обнаружил тонкий лист старой бумаги.

Чернила, едва различимые, слова, которые не имели цифрового аналога.

Он перевёл дыхание.

Надпись была короткой:

«Пределы Нуля — не место. Это выбор. Если ты читаешь это — ты уже ошибся».

Артём замер.

В руках у него дрожала бумага — не из-за температуры, а из-за того, что его мир впервые пошёл трещинами.

Глава 5. Архив под запретом

Он перечитал надпись несколько раз. Чернила были выцветшими, но слова отчётливо пружинили в сознании.

Пальцы Артёма дрожали — впервые не от внешнего воздействия, а от внутреннего напряжения.

В архиве было слишком тихо, чтобы эту дрожь можно было объяснить иначе.

Он спрятал лист в личный карман внутреннего кителя — место, где не было датчиков. Его сердце — если так можно было назвать спокойный орган, управляемый Консенсусом, — ускорилося, и он понял: теперь он тоже ошибка.

Когда он вышел из хранилища, стены вокруг словно качнулись.

На мгновение Артём увидел не бетон и панели, а что-то другое: широкую реку, старый мост, людей, которые кричали не по алгоритму, а от радости.

Он остановился, ухватился за перила. Видение исчезло.

«Эхо», — прошептал он. Так называли редкие вспышки чужой памяти, способные пробиться сквозь фильтры.

Но эхо никогда не возникало у архивистов. Их нейросхемы считались самыми чистыми.

— Это невозможно... — произнёс он вслух, и собственный голос прозвучал для него чужим.

Утром Артём сделал вид, что ничего не произошло. Он пришёл вовремя, начал работу, корректировал сбои.

Никто не заметил. Консенсус — тоже.

Но между привычными линиями, между чистыми нейрофайлами, лежал спрятанный фрагмент и мысль, от которой уже невозможно было отмахнуться:

Если этот текст существует, значит, Консенсус не всемогущ.

И если он не всемогущ, значит, возможен иной мир.

Артём принял решение — молчать. Пока.

Глава 6. Первая трещина

Вечером он снова достал лист.

Строки под надписью уходили в язык, похожий на древний кириллический шрифт, но искажённый так, словно слова писались в спешке, рукой, не знавшей правил.

Он нашёл старый дешифратор, спрятанный в личном терминале.

Запустил, ввёл несколько символов.

Экран выдал варианты: «свобода», «предел», «нулевой выбор».

Каждое слово резало сознание, как кислород в запечатанном помещении.

Ночью он уснул, и сон был не контролируемым.

Ему снилась улица, где люди спорили, смеялись, плакали — без контроля.

Снилось небо без фильтра, звёзды, которые не были запрограммированы.

Он проснулся с ощущением, что был там наяву.

Консенсус обычно блокировал хаотичные сны, но этот прошёл.

Он понял: алгоритм не заметил, что в нём что-то меняется.

На следующий день, по пути в архив, Артём столкнулся в коридоре с человеком, которого никогда раньше не видел на верхних уровнях.

Мужчина был высоким, с лицом, покрытым сетью мелких шрамов, будто он когда-то жил под открытым солнцем.

На его груди не было идентификационного маркера, что было невыносимо.

— Ты — архивист, — сказал он, не спрашивая.

— Кто вы?

— Я тот, кто видит трещины. Номад.

Он склонился ближе и прошептал:

— Ты держишь в кармане текст, который не должен существовать.

Артём замер.

Номад улыбнулся — впервые он увидел улыбку, не синхронизированную с внешним стимулом.

Глава 7. Поговорить невозможно

Артём попытался поговорить с коллегой, Норой, той, с кем работал уже семь лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.